

ПОДРУГЕ

Твое письмо, Зейнеп, было для меня приятной неожиданностью. Читая его, я невольно вспомнила педагогический техникум, в котором мы учились, школьный драматический кружок и свое первое выступление на ученическом вечере.

Помнишь, я исполнила тогда грустную девичью песню «Ойдай». После вечера ты подсказала мне заветную мечту — стать артисткой. Эту мечту я считала несбыточной.

Вспоминается еще один памятный день: наш драмкружок ставил пьесу Джантошева «Карачач». Я играла роль подруги Карачач Калычу, первый раз выступая в ответственной роли. Один из зрителей (кажется художник-москвич) сказал мне тогда: «У вас, Калыча, нехватает музыкальной культуры. Слабо чувство ритма. ...Вы знаете нотную грамоту?»

А я не знала даже, что такое ноты. Мне и другим сегодняшним артистам в те годы были совершенно незнакомы слова: ритм, вокал, сценичность. Все это я узнала позднее, поступив в музыкально-драматический театр (сбылась под-сказанная тобою мечта).

Только тут я глубоко осознала, что для того, чтобы быть хорошей певицей, надо много учиться, и взялась за учебу.

Ты права в своем письме, что мой труд окупился сторицей. Когда я играла роль Каныш в «Алтын Кыз», мне аплодировали не особенно горячо (кажется, ты присутствовала на том спектакле).

На третьей постановке, когда я запела песню о горькой судьбе девушки-сироты (помнишь — «жизнь пустая, как ночь темна, песня больная, как плач, грустна»), меня слушали, я чувствовала, с волнением. Но полную удовлетворенность я получила, исполняя роль Зулайки в музыкальной драме «Аджал Ордуна».

В четвертой картине спектакля есть трогательная сцена. Думаю, ты не будешь возражать, если я вкратце опишу ее.

На сцене — уголок базара пограничного китайского города. У базарных ворот группа беженцев-киргизов, измученных, изголодавшихся, высохших от горя и страданий. Они

идут работы, куска черствого хлеба. Тут, среди беженцев, находится муки У Чей-фу — старому развратному мандарину.

Происходит глубоко трагическая сцена прощанья девушки с родными.

Я пела арию бедной Зулайки: Ах, мама, милая моя, Ах, разве стать рабыней должна я! Ах, если бросишь ты меня, Ах, что же делать буду одна я! Некоторые зрители в этот момент плакали. Значит, песня Зулайки дошла до их сердца, заставила его трепетать. В этот счастливый день я впервые поставила себе высший балл.

И еще одно радостное событие — я участвую в опере «Айчурек» — в нашей первой опере, которую я называю жемчужиной киргизского музыкального искусства.

Какое достижение — от «Карачач» до оперы. Поэтому я подписываюсь под твоим примечанием, что, «судя по газетам и рассказам земляков, наше искусство растет не по дням, а по часам».

Но это только начало, или скажем громче — блестящее начало. Главное — впереди.

В планах театра — классическая опера «Евгений Онегин» — Чайковского, новая опера о Токтогуле. Возможно я буду играть Татьяну.

Пришел муж и просит заканчивать письмо: надо спешить на репетицию. Жаль, я еще много тебе не написала. Впрочем, мы скоро увидимся. Стоит ли описывать во всех красках и подробностях «Айчурек», когда ты в мае увидишь ее на сцене московского театра!

Кстати, почему ты так скупно написала о своей жизни? Как проходит твоя учеба в институте? Ты теперь на театроведческом факультете? Напиши подробнее об учебе, о преподавателях, какие предметы изучаете, что смотрела в московских театрах, свои впечатления.

Ставлю точку. Жду ответа. Письма можешь адресовать на учреждение: Киргостеатр, Куттубаевой.

До скорого, радостного свидания.

Твоя Анвар.

г. Фрунзе.